

Вторникъ, 9-го августа 1911 года. № 174.

СВѢДѢНІЯ

Общественно-Экономическая, Политическая и Литературная газета.

Театръ и музыка.

Театръ „Буффъ“.

„Вишневый садъ“, комедія въ 4 д. А. П. Чехова.

Всякій знаетъ, что въ провинціальномъ театрѣ поставить Чехова почти никогда не удается: и силы исполнителей слабы, и сценичная обстановка не даетъ необходимой иллюзіи и настроенія. Въдѣ пьесы Чехова, а особенно его лебединая пѣснь „Вишневый садъ“,—это романы въ лицахъ: мало діалоговъ, длинные монологи и нѣтъ почти дѣйствія, и при этомъ чужовѣкъ слѣтъ съ окружающей его жизнью; значитъ, нужна характерная выдержан-

ность въ обстановкѣ, необходима возможно полная стильность въ ней, а то—играютъ артисты, говорятъ, стараются, можно сказать, изо всѣхъ силъ, но все это не производитъ должнаго впечатлѣнія на зрителя и не вызываетъ соответствующаго настроенія, п. ч. кажется, что исполнители сами по себѣ, а окружающая ихъ сценическая обстановка сама по себѣ. Последняя, какъ это было и здѣсь 6-го августа, прямо рѣжетъ глазъ и ухо своими болѣею частью очень крупными недочетами.

И все-таки, несмотря на все это, почти всегда, когда идетъ Чеховъ, публика наполняетъ театр (что было и здѣсь 6-го августа), т. ч. Чеховъ не только не умираетъ, а напротивъ, чѣмъ дальше онъ отъ насъ отходитъ, тѣмъ ближе, понятнѣе и роднѣе становится намъ. Его такая и нѣжная и въ то же время очень глубокая проникновенность во все почти уголки нашей жизни и общественности и освѣщеніе ихъ фонарикомъ бытописателя и проникновенной философской мыслью невольно приковываютъ къ себѣ сердца и умы читателей и зрителей. Затѣмъ, Чеховъ намъ особенно дорогъ, безконечно дорогъ въ настоящее, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ какое-либо другое время, какъ дѣйствительный художникъ, рисующій ярко и красочно „сумеречную“ жизнь „маленькихъ людей“.

Кромѣ того, Чеховъ дорогъ намъ и какъ художникъ-мыслитель. Часто какая-либо его сильная мысль остается какъ-будто выжженной въ вашей душѣ на всю жизнь. Напр., въ „Вишневомъ саду“ авторъ въ лицѣ студента Трофимова высказываетъ глубоко-философскую мысль: „у человѣка умираетъ пять чувствъ, а можетъ быть, 95 чувствъ остаются жить“. Простая какъ будто фраза, одна изъ тѣхъ, которыхъ такъ много говорятъ русскіе резонерствующіе интеллигенты, а у Чехова, врача по образованію, она звучитъ какъ то особенно и вызываетъ чужовѣка на многія размышленія.

„Вишневый садъ“ для труппы Вородая былъ тоже не по силамъ. Но въ этомъ винить артистовъ нельзя: они сдѣлали, что могли и умѣли, для постановки этой пьесы, а если не вышло, то виной тому выше приведенныя особенности Чехова, которыя настолько велики, что, какъ намъ приходилось видѣть, даже передвѣжному театру Гайдебурова не по силамъ справиться со всѣми ими; что же говорить про вѣдшій лѣтній театръ съ его болѣе чѣмъ неудовлетворительной сценической обстановкой.

Теперь объ исполнителяхъ. Артистка г. Петрова въ роли Раневской была просто хороша, но до художественности въ ея игрѣ было далеко; слаба была г. Дагмаръ (Аня Раневская); лучше ея, типичнѣе, была г. Вольская (Варя) и довольно оригинальной (только часто сбивалась съ тона) вышла гувернантка Шарлотта въ исполненіи г. Свѣтлаковой.

Мужской персоналъ: г. Наливнинъ (Лопахинъ) былъ очень слабъ; г. Гриневъ въ роли „облѣзлаго барина“ (Трофимова) былъ не особенно типиченъ, г. Градовъ (помѣщикъ Симеоновъ-Пищикъ) былъ только ровень въ игрѣ; Гаевъ въ исполненіи г. Шмитъ вышелъ не особенно яркъ; впрочемъ характерно выходили у артиста: „Желтаго въ уголъ, рѣжу“ и т. под. фразы; очень недурень вышелъ конторщикъ Квашинъ въ исполненіи г. Дмитриева и очень типичнымъ былъ г. Рожковскій въ роли Фирса; сильное впечатлѣніе произвели его послѣднія слова: „Эхъ ты, ведо-теца!“

Остальные артисты поддерживали ансамбль.